

МЕЛКИЕ НАБРОСКИ, ОТРЫВКИ, ЗАМЕТКИ

В бумагах Слепцова, изъятых у него в 1866 г. жандармами, сохранилось, помимо рукописей, опубликованных выше, еще несколько мелких набросков, отрывков и заметок (черновые и беловые автографы). Эти фрагменты, написанные на отдельных листах, были в III Отделении сброшюрованы в одну тетрадь, в совершенно произвольной последовательности (ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182). Ниже печатаются девять отрывков. Все они относятся к 1860-м годам.

Первый из них: «Черная почва висела над городом...» может рассматриваться как вариант напечатанной выше «аллегии» «Притчи и видения» (1862). Остальные восемь фрагментов трудно с полной определенностью отнести к известным нам работам Слепцова. Можно лишь высказать предположение, что большая часть этих набросков связана с начатым Слепцовым в 1865 г. для «Современника», но сразу же распавшимся, публицистическим циклом «Скромные упражнения» (см. об этом выше, в предисловии к публикации фельетона «Речь...»).

Печатаются наброски в приблизительной хронологической последовательности (данных для точной датировки каждой рукописи нет). Цифры, поставленные в угловых скобках внизу публикуемого текста, обозначают листы в упомянутой тетради Слепцова, на которых расположен текст данного наброска.

<1>

Черная почва висела над городом. Уныло и глухо падали на землю холодные капли дождя. Едва заметные искры мелькали в тумане, зажигались и вновь потухали одна за другой, как падучие звезды. Что-то страшное, давно заснувшее, чудилось во мраке: какие-то недосказанные слова, невыплаканные слезы, чей-то жалобный стон, замирая, дрожал и носился в воздухе, безотрадно терзая душу. Чей-то сдержанный шепот боязливо, украдкой бродил в темноте; время от времени прорывалось слово; безумный смех заглушался проклятием и потом опять шепот, страшный, хриплый шепот, точно кого-то душат. Томящие звуки каких-то давно забытых песен с болью воскресали в памяти; рыдая, звенели они безысходной грустью, полные вечной тоски и печали, и вдруг, точно уносимые ветром, тускнели и гасли в тумане. И еще какие-то неясные образы, чьи-то поникшие тени возникали в этом тумане; что-то родное, неотразимо близкое слышалось в них; они звали куда-то, манили, и все существо мое тянулось, тянулось к ним, с тоской и отчаянием просилось туда... но в это время какая-то мертвая сила грубо толкнула меня назад, и все эти образы, звуки и тени смешались и рассыпались*. Весь обессиленный я падал и в изнеможении ломал себе руки, но в эту минуту я почувствовал, что земля исчезает у меня под ногами, что я лечу куда-то... **.

<Л. 70>

По содержанию и по форме этот набросок близок к «аллегии» Слепцова «Притчи и видения» 1862 г. (см. выше, стр. 292—295). Имеются между ними и текстуальные совпадения. Дважды зачеркнутые в рукописи слова (они напечатаны нами в сноске) находим в несколько другой редакции и в «аллегии».

<2>

Уныл и задумчив брожу я по улицам этого города. По небу серые тучи плывут. Длинные черные мысли бродят в моей голове. Смотрю я на тучи, на эти дома, на людей, на их мертвые лица и думаю: Нет, ничего не

* Далее зачеркнуто: Я был схвачен духом, перенесен в святилище наук и поставлен у входа.

** Далее зачеркнуто: Когда же я пришел в себя, опомнился, то увидел, что я перенесен духами в святилище).

выйдет из этого чухонского болота. Что вы там ни толкуйте. Потому не выйдет, что нечему и некуда выйти. Потому что, как бы ни было прекрасно болото, из него, кроме прекрасного камыша да лягушек, ничего выйти не может. А что этот город — болото, в этом нет никакого сомнения.

⟨Л. 58⟩

На оборотной стороне листа этого рукописного фрагмента рукою Слепцова написаны слова, не относящиеся к публикуемому тексту: «Ив⟨ан⟩ Ив⟨анович⟩! Гони, брат! гони их из сада. Чего ж им еще? Пора же, наконец, дать отдохнуть и прислуге».

Некоторые детали публикуемого текста («мертвые лица» людей, город — «чухонское болото») повторяются в незаконченном фельетоне «Игры и зрелища», над которым Слепцов работал в начале 1865 г. или в 1866 г. (см. выше, стр. 359—367).

⟨3⟩

Распрекрасная ты мати-пустыня,
Пришел я тебя соглядати...
Пойду по лесам, по болотам,
Пойду по горам, по вертепам...

(Духовн⟨ые⟩ стихи)

Что там ни толкуй, а в Петербурге жить, надо прямо сказать, — только молодость свою погубить. Ведь это только так говорится: Петербург! Петербург!.. Но теперь спрашивается: что в нем хорошего? — Ничего нет хорошего. Живем мы здесь, можно сказать, бедствуем. Настоящие мытари. Ни покоя, ни удовольствия себе никакого не видим. Думаешь, думаешь... ах, да чёрт тебя возьми совсем! То ли дело провинция!

Запуганные жизнью, ежечасно погруженные в горестную думу, время от времени обращаем мы наши умственные взоры на те почтовые тракты, которые, подобно пауковым лапам, простираются отсюда во все стороны и захватывают самые отдаленные дебри и пустыни... Туда тревожно стремятся полные ожидания мысли наши, туда несутся наши разбитые надежды.

Провинция! Видим мы тебя из нашего прекрасного города, видим тебя, и что же мы видим?

Кроткая, но бестолковая, вечно ноющая и вечно молящая о пощаде, погорелая и сама себя взаимно-страхующая, в недоумении стоишь ты среди чистого поля и пугливо посматриваешь на все стороны, как бы вопрошая: что же теперь делать? [разверстывать ли угодия], или предаваться ликованию, и вообще куда теперь следует адресоваться?

Одолели тебя лихие болести, сокрушили тебя лютые напасти, много ты на своем веку испытала, а все-таки по безграмотству и по сиротскому убожеству своему помощи себе самой никакой оказать не можешь.

Со всякой глупостью ты лезешь в столицу, из всякой безделицы заводишь переписку и беспокоишь начальство.

Эх, был бы я на твоём месте, давно бы я на все это плюнул.

— Да, плюнул, — отвечаешь, — и рада бы я, голубчик, плюнуть, да как плюнешь-то? А ты вот научи-ка меня лучше, как мне с горами-то с моими управиться?

— И рад бы я тебя научить, да как научить-то? Как мне тебя, бестолковую, учить? * Пойми ты это! Сделай такую милость. И сам я начинаю догадываться, что совет мой легкомыслен, что провинция по-прежнему останется беспомощною, по-прежнему молящею о пощаде и что столкнуться нам с нею не предвидится никакой возможности.

⟨Лл. 57 и 62⟩

* Далее зачеркнуто: Неловко мне браться за это дело.

Текст этого наброска расположен в тетради Слепцова на л. 57. Конец же последней фразы («...беспомощною, по-прежнему молящею о пощаде и что столкнуться нам с нею не предвидится никакой возможности») находится на л. 62.

Публикуемая рукопись не поддается точной датировке. Но ее содержание, в частности слова о «наших разбитых надеждах», не оставляет сомнения, что возникновение наброска — быть может, начало какого-то нового замысла — относится к середине 1860-х годов, к периоду реакции.

Эпиграф к наброску взят из духовного стиха о царевиче Иоасафе, ушедшем от «прелестей мира», от богатства, славы, наслаждений в пустыню к тяжелому труду, «болотной воде», дурной пище, «зверю лютому».

Слепцов цитирует «стих» (с пропусками) по тексту, опубликованному в издании: П. А. Бессонов. Калики перехожие. Сборник стихов и исследования, т. I. М., 1861, стр. 251.

ЯРЫЙ ПРОГРЕССИСТ НА УЛИЦЕ И ДОМА

Карикатура. Рисунок неизвестного художника

«Сын отечества», от 1 ноября 1859 г., № 44

<4>

ИГРЫ ДЕТСКИЕ

Здравствуйте, дети! Давно мы с вами не видались. [С тех пор, как мы гуляли вместе по петербургским улицам, прошло уже два года с лишком.] В это время вы порядочно-таки успели подрасти. Небось, по латыни уж начали учиться. Ну-ка, проспрягайте мне *timeo*! А что значит — *timeo*? — боюсь. Прекрасно! Кого же вы боитесь-то, однако? Старика уже не боитесь? И трубочиста тоже? Кого же вы боитесь? Никого? Вот вы бестрашные какие! Неужели, в самом деле, вы и темной комнаты не боитесь? Ого! Да вы, я вижу, совсем отчаянные. С вами беда. Что из вас будет, когда вы вырастаете? Как вы на службу-то станете ходить? Ну, уж, дети!

И что же вы делаете? Чем вы занимаетесь? Учитесь. Ну, хорошо, а еще что? Книжки читаете. И не секут вас за это? Это вы скрываете только.

Нет, нас, бывало, за эти дела пробирали-таки изрядно. Без этого нельзя. Знаю я вас. Дай вам волю, так вы на шею сядете.

<Л. 96>

Набросок должен быть датирован серединой — второй половиной 1865 г. Основанием для этого служат имеющиеся в рукописи зачеркнутые слова: «С тех пор, как мы гуляли вместе по петербургским улицам, прошло уже два года с лишком». Здесь имеется в виду фельетон Слепцова «Весенняя прогулка». Он был опубликован как первая глава цикла «Петербургские заметки», в апрельской книжке «Современника» 1863 г. (см. выше, стр. 166). Задумав в 1865 г. продолжение этого цикла (см. выше, стр. 339 — вступительную заметку к фельетону «Речь...»), Слепцов, по-видимому, намеревался включить в него еще один фельетон: «Игры детские». Заглавие его и начало, публикуемое здесь, написаны на листе бумаги голубоватого цвета; на таких листах обычно Слепцов переписывал произведения, которые готовил к печати. Последний абзац («И что же вы делаете? ∞ на шею сядете») написан карандашом.

В эзоповой манере Слепцов пишет о возросшей зрелости революционно-демократического мировоззрения разночинной молодежи — «детей». «Дети» читают нелегальную литературу («книжки», за которые «секут»); они противодействуют реакции, не боятся тюрьмы («темной комнаты»); им, как говорится, не страшен уже ни бог («старик»), ни черт («трубочист»). Напомним, что этими же иносказаниями Слепцов пользовался, создавая в тот же период повесть «Трудное время» (II, 119).

<5>

Ужасно опять скучно становится. Опять эти разговоры пошли! Куда ни придешь — шу-шу-шу, да шу-шу-шу... Чёрт знает, что такое! Слушаешь, слушаешь, даже противно. И ведь уж это я сколько раз замечал: как начнутся разговоры — кончено! Тут уж ничего хорошего не будет. Это значит по крайней мере года на два отложи попечение. И скука теперь такая пойдет — самая анафемская.

Снегу все нет. Какой тут может быть хлеб, без снега? Ну, положим, что мы не сеем, не жнем, но в житницы как бы то ни было все-таки собираем же ведь мы. А вот собирать-то будет нечего — тогда что? Да, одним словом, дело дрянь во всех отношениях.

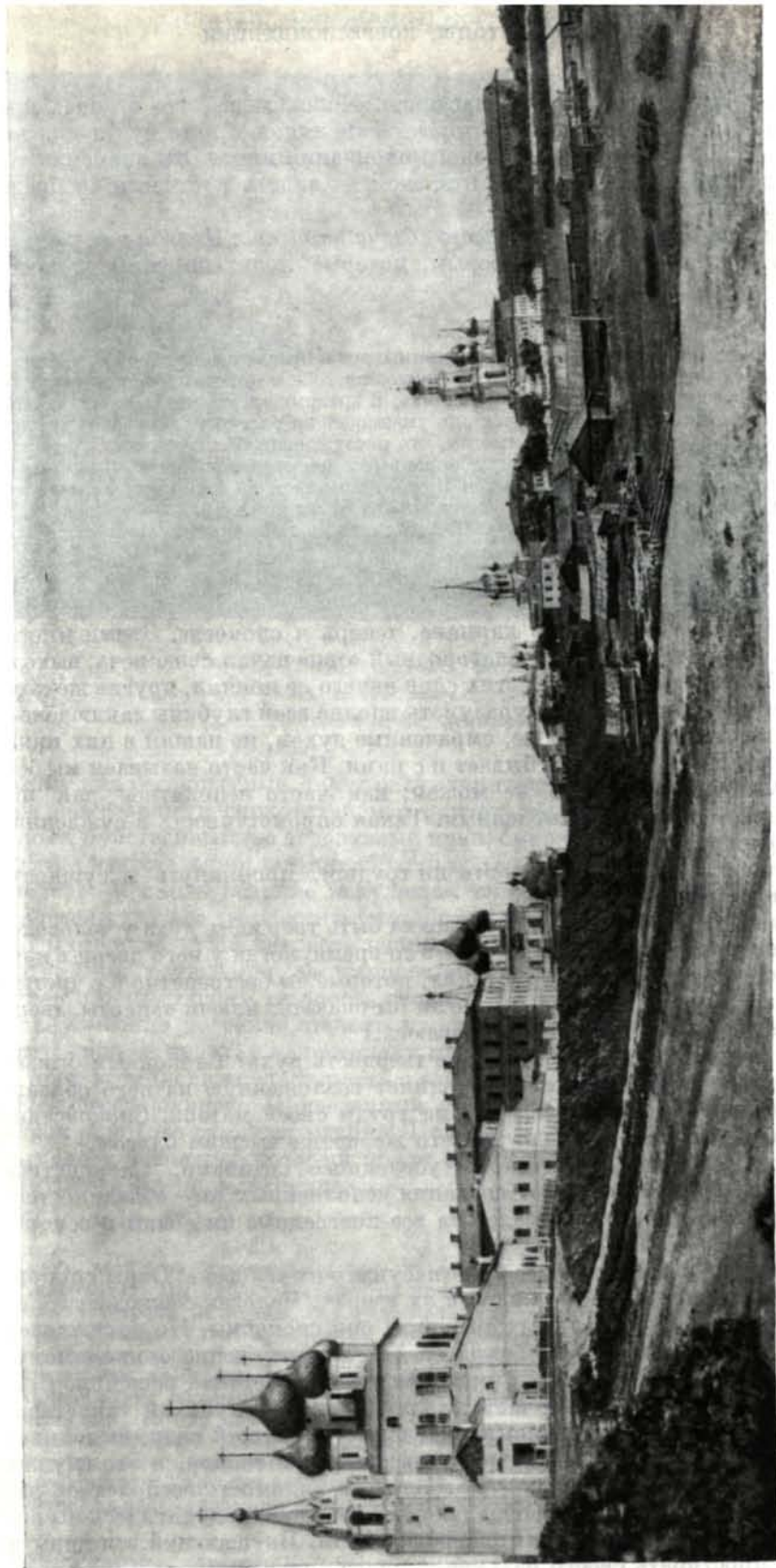
<Л. 97>

Текст этого отрывка находится на следующем листе тетради, вслед за «Играми детскими». Слова о «начавшихся разговорах», не сулящих «ничего хорошего», но, напротив того, обещающих «скуку» «самую анафемскую», указывают, по-видимому, на какие-то очередные замыслы и планы реакции в ее борьбе с революционно-демократическим движением.

<6>

Все я думаю, все я размышляю, как бы это так поуютнее устроить дела. Куда ни посмотришь, все это не ладится, все это врозь, а главное, время нынче такое: не на что опереться, места такого нет, на которое можно было бы поставить ногу с полной уверенностью, что оно не пошатнется и не провалится. Повсюду западни какие-то расставлены, в которые непременно попадают неосторожные и ломают себе ноги.

Судя по наружности, оно как бы и в самом деле все обстоит благополучно, и всякая вещь стоит на своем месте: каждое утро отпираются лавки, служащие идут в должности, дворники метут улицы, каждый вечер зажигаются фонари; но все эти успокаивающие признаки, однако, нисколько нас не успокаивают. Мы знаем, что и накануне того дня, когда должен прийти антихрист, порядок точно так же нарушен не будет; точно так же лавки будут отворены, улицы выметут, даже служащий ни на минуту не опоздает на службу. Однако антихрист придет и застанет нас врасплох.

ЯРОСЛАВЛЬ. ВЪЕЗД В ГОРОД

Фотография, 1867 г.

Исторический музей, Москва

Вот этого-то мы пуще всего и опасаемся. Хорошо еще, что в видах предосторожности обещаны нам некоторые знамения, которые будут для нас служить как бы предвестием близкого окончания мира. Эти знамения тем хороши, по крайней мере, что мы сможем их видеть и отчасти сообразоваться с ними, т. е. заранее...

На полях рукописи против первого абзаца написано: Нельзя же, в самом деле, уподобиться птицам небесным, которые ходят по улице и носом клюют.

<Лл. 66—67>

Незаконченный отрывок тематически примыкает к предыдущему. В обычной своей манере Слепцов рисует картину общества, находящегося в полосе глубокой реакции. Словами о повсюду расставленных «западнях», в которые «непрестанно попадают неосторожные и ломают себе ноги», писатель указывает на разгул полицейских репрессий и напоминает об их жертвах. Отметим, что рассуждения о «знамениях», грозящих обществу бедствиями, едва начатые и оборванные в дошедшем до нас отрывке, перекликаются с аналогичным рассуждением Щедрина в одной из запрещенных к печати глав его хроники «Наша общественная жизнь» за 1864 г. (см. «Лит. наследство», т. 67, 1959, стр. 339 и вступительную статью С. А. Макашина к этой публикации, стр. 334—336).

<7>

«Ключи заперты, двери в кармане, теперь я спокоен». Этими многозначительными словами один «благородный отец» начал свою речь, выходя на сцену. Многие в то время из этих слов ничего не поняли, другие же хотя и поняли отчасти, но не могли уразуметь вполне всей глубины заключенного в них смысла. Некоторые же, омраченные духом, не нашли в них никакого смысла. Нечто подобное бывает и с нами. Как часто называем мы бессмысленным то, чего понять не можем; как часто непонятное для нас в жизни кажется нам бессмысленным. Такая опрометчивость в суждениях весьма прискорбна.

Попытаемся, однако (сколь это ни трудно), проникнуть в сущность приведенного выше изречения.

[Подумайте, читатели, какова должна быть твердость духа у человека, который может оставаться спокойным в то время, когда у него двери в кармане, и много ли из вас найдется таких, которые бы бестрепетно и с чистым сердцем и пред лицом всего света могли бы сказать: ключи заперты, двери в кармане, теперь я спокоен. Сомневаюсь.]

Что такое спокойствие и что такое твердость духа? Спокойным бывает человек тогда, когда с рвением выполняет возложенную на него обязанность. Спокоен младенец, лежащий на груди своей матери. Спокойствие служит наградой послушанию. [И в то же время высшим благом.]

[Взгляните на маститого старца, убеленного сединами. Спокойствие на челе его. Оно происходит от сознания исполненных им обязанностей. Оно служит ему лучшей наградой за все понесенные им обиды и оскорбления.]

Взгляните на стадо, лежащее у ног пасущего их человека. Овцы спокойны. Доверчивая преданность видна в их взорах. Человек соблюдает их от расхищения и нападения лютых зверей, и они спокойны. Но вот человек поставлен в необходимость толочь воду. Такое упражнение, по-видимому, не имеет смысла. Но не спешите произносить опрометчиво решения. Бессмысленное на взгляд занятие часто включает в себе глубокий таинственный смысл, понятный для немногих. Человек, толкущий воду, выполняет возложенную на него обязанность, и совесть его спокойна, и это служит ему лучшим утешением и лучшей наградой за видимость бесполезной работы. Но такие примеры <?> не обладают еще твердостью духа; здесь мы видим только спокойствие и безмятежность мысли. Вкушающий эти дары и не дерзает простирать своего разума далее положенных ему пределов.

У ПОСТОЯЛОГО ДВОРА

Гуашь П. П. Соколова, 1880-е гг.

Русский музей, Ленинград

А потому как бессловесные, так и разумные существа равно могут наслаждаться вожделенным спокойствием и как от тех, так и других требуется только не буйственный, не строптивый нрав, смирение и кротость. Но всего этого еще недостаточно для приобретения твердости духа. О! Как труден сей подвиг! И сколь великие искушения суждено пройти человеку прежде, нежели дух его твердостью уподобится стали. Но что такое эта твердость? Твердость душевная есть непрестанное и вечное покорение в себе духа гордыни, осуждения, злоумышления, суемудрия, самомнения и презорства *. Испытующий твердость своего духа покоряет в себе любоначальие и самомнение до такой степени, что перестает доверять себе: слыша не слышит, видя не видит и мало-помалу приучает себя бестрепетно и твердо, даже пред всеми, свидетельствовать о таких подвигах, которые всему свету кажутся бессмыслицею. Приведенный в начале пример служит лучшим образцом такового самоизвращения. Подумайте: какова должна быть твердость духа у человека, который может оставаться спокойным в то время, когда у него двери в кармане.

⟨Лл. 63—64 и 98—99⟩

Начало этой незавершенной статьи сохранилось в бумагах Слепцова в двух черновых вариантах. Мы публикуем один из них — более пространный. Варианты расположены в тетради не рядом: они разделены другими рукописями. Намереваясь, видимо, переписать сильно правленный текст, Слепцов не внес в публикуемую рукопись замены для некоторых намеченных к переработке и потому вычеркнутых мест. Для сохранения необходимой связи в изложении все такие места воспроизводятся в публикации (они обозначены квадратными скобками). Что касается вычерков, тут же замененных, то они опускаются.

Статья начинается словами монолога — «благородного отца» из какой-то пьесы. Алогизм этих слов — «герой» перепутал их порядок, сказав вместо: «Двери заперты, ключи в кармане» — «Ключи заперты, двери в кармане», — служит писателю отправной точкой для задуманного им рассуждения о «бессмыслице» и «путанице» некоторых

* Высокомерие, гордость. — *Ред.*

основных понятий и поступков в обществе, находящемся под гнетом самодержавно-полицейской власти и «казенной» идеологии. Преимущественное внимание Слепцов намеревался, по-видимому, уделить характеристике «самоизвращений», наступающих в психологии и поведении человека, поставившего себя на службу реакции. Он, пишет Слепцов, «мало-помалу приучает себя бестрепетно и твердо, даже пред всеми, свидетельствовать о таких подвигах, которые всему свету кажутся бессмыслицею». Оставшееся в эмбрионе намерение Слепцова родственно обличительному заданию Щедрина, реализованному им в образах «ташкентцев» и «молчалиных».

(8)

...сделал с собою, что хотел. И хотя оно не совсем так, но все-таки как-то веселее. Притом не надо забывать, что само смирение вовсе не такая страшная вещь, как это кажется *

Если я предлагаю тебе смирение, то я делаю это потому только, что не знаю в настоящую минуту такой деятельности и такого поприща, на котором бы ты, по моему мнению, мог быть на своем месте. В последнее время я пришел к тому убеждению, что пустынножительство и углубление в самого себя в подобных случаях оказывает не малую пользу душе. Удалившись от мира, в откровенной беседе с самим собой ты лучше поймешь свое отношение к миру.

Я уверен, что тогда тебе станет ясно вполне, до какой степени ты заблуждался, возмечтав быть строителем нового здания и насадителем новых начал [в вертограде] в то время, когда никто тебя об этом не просит.

Ты вздумал пролагать новые пути и тропинки в таких дебрях и пустынях, которые назначались для диких вепрей и шакалов; ты вздумал углубиться в непроходимые чащи заповедных лесов и огласить дремучие дебри дерзким звуком твоего голоса; в высокомерной гордости своей, бесстрашный, ты восхотел проникнуть даже в мрачные подземелья и озарить *пропуск* сокрытых там змей и скорпионов. Но холодный ветер погасил твой светильник, секира выпала из рук, и ты остался один среди открытых тобою чудовищ. Опомнись, любезный друг, пролей слезы раскаяния и добровольно откажись от своих гордых замыслов.

Время раскаяния еще не ушло.

Еще раз повторяю тебе: смирись. Только кротостью и смирением можешь ты укротить в себе опасное желание.

В тиши уединения ты поймешь всю бесплодность твоих стремлений, и снова в душе твоей воцарится вожделенный мир и спокойствие.

<Л. 32>

Тематически этот фрагмент близок к предыдущему наброску «Ключи заперты, дверь в кармане...» Здесь и там обличается психология и философия людей, мечтающих прожить «спокойно», без борьбы и больших идеалов, идущих ради этих целей на моральные компромиссы. Есть, однако, и существенное различие. В предыдущем наброске речь «благонамеренного» собеседника обращена к людям, уже плененным реакцией, развращенным самодержавием. В настоящем отрывке тот же или близкий к своему предшественнику собеседник обращается со своими охранительными поучениями и увещаниями к людям революционного лагеря. Их и пытается он призвать к «раскаянию» и «смирению». Обличительный замысел Слепцова был вызван необходимостью дать отпор натиску реакции середины 1860-х годов и некоторому упадку революционной энергии в демократическом лагере.

(9)

Человек всегда был и вечно останется неистощимым предметом исследований во всех возможных отношениях.

С тех незапамятных времен, когда мало-помалу стали выступать перед ним его же собственные свойства, с тех пор как пробудилось в нем сознание

* Далее стерто несколько строк.

своего бытия, постоянно и неизменно преследует он одну и ту же идею — узнать самого себя. В темных ли сказаниях младенческого народа, в мистических представлениях религиозного культа, в песнях и обычаях, в диком и в высокообразованном состоянии и во всякое время, когда только человек силится оторвать свои взоры от окружающего мира и обратить их на самого себя, всегда влекло его непонятное чувство проникнуть в глубь души человеческой; но и там встречали его всегда одни и те же вопросы: как? почему? — и никакие события внешнего мира не в силах были заглушить этого голоса, вечно зовущего и вечно тревожащего современного человека.

Сквозь костры и ледяные горы, сквозь неведомые леса и пустыни, чрез целые ряды веков и заблуждений неизменно шел человек на призывный голос, мучимый жаждою знания, и тяжелым опытом завоевывал себе право свободного удовлетворения этой потребности.

В наше время, как и всегда, вопрос о человеке и его духовных и физических потребностях стоит на первом плане. Стоит только окинуть взором эту страшную массу изобретений и трудов по всем отраслям знания, чтобы догадаться, как неутомимо хлопочет и бьется человек, чтобы со всех сторон изучить самого себя, приноровиться к своим нуждам и удовлетворять ежеминутно появляющимся новым требованиям современной жизни.

Прошло время, когда думали, что только свернувшийся в самого себя человек долгим и неусыпным наблюдением над самим собою и совершенным отречением от всего внешнего мира может дойти до высшей степени самопознания.

Только последнее время решило великую задачу жизни, только наука показала свету, что не аскетической сосредоточенностью, а изучением жизни и великих тайн на месте (?), на каждой данной точке доходит человек до возможности узнавать и себя. Изучая жизнь во всех возможных ее видах и проявлениях, схватывая на лету ничтожнейшие, по-видимому, явления физического мира и доискиваясь их причины, находит он ответы тех вопросов, которые считались неразрешенными; и которые теперь, при знании законов природы, так просто и ясно вытекают из этих законов.

Разнообразнейшие и совершенно разрозненные, на первый взгляд, явления группируются в одно стройное целое и принимают высокохудожественный вид, и быстро исчезают одна за другою самые запутанные и непонятные тайны природы, озаряемые светом одного общего закона.

Не субъективная деятельность одного человека, не личный изолированный взгляд, как бы он ни был сам по себе верен и ясен, способен привести человека к полному сознанию, а только труд веков, только изучение вечной жизни, слившейся из миллионов конечных явлений, в силах дать нам более или менее ясное понятие о том, что такое — он сам.

⟨Л. 72⟩

Начало публикуемого наброска является перефразировкой известного изречения Гете: «Истинный предмет изучения человека — есть человек». Изречение было внесено Слепцовым в его записную книжку в конце 1865 г. К этому примерно времени следует отнести и возникновение настоящего текста.

Дошедший до нас фрагмент статьи свидетельствует об интересе Слепцова к философским вопросам, о его желании принять участие в борьбе материалистов-демократов с идеалистами. Слепцов осуждает субъективизм, попытки оторвать человека от внешнего мира, от общества. Он хочет постигнуть объективные закономерности явлений природы и общества, понять *процесс* развития. Вслед за Чернышевским — автором «Антропологического принципа в философии» — он признает единство физиологических и психических начал в человеке, заявляя тем самым о своей материалистической позиции.

В словах о том, что «только последнее время решило великую задачу жизни», Слепцов, по-видимому, напоминает об открытиях в области естествознания, химии и физиологии Ч. Дарвина, А. М. Бутлерова, И. М. Сеченова.